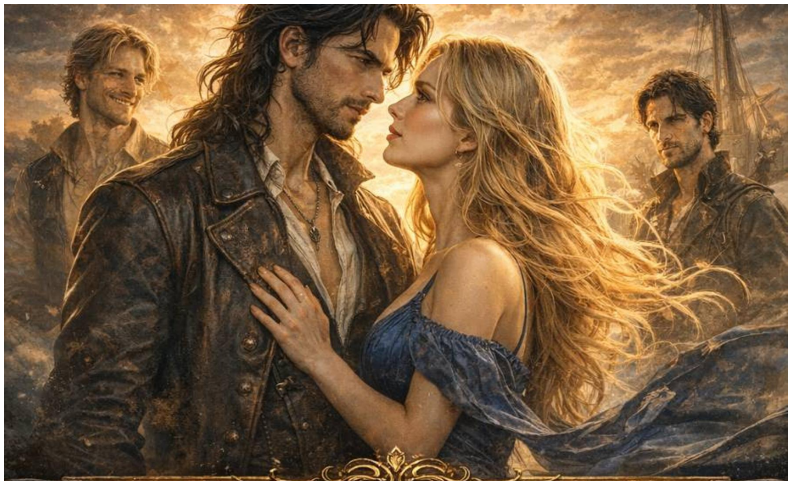
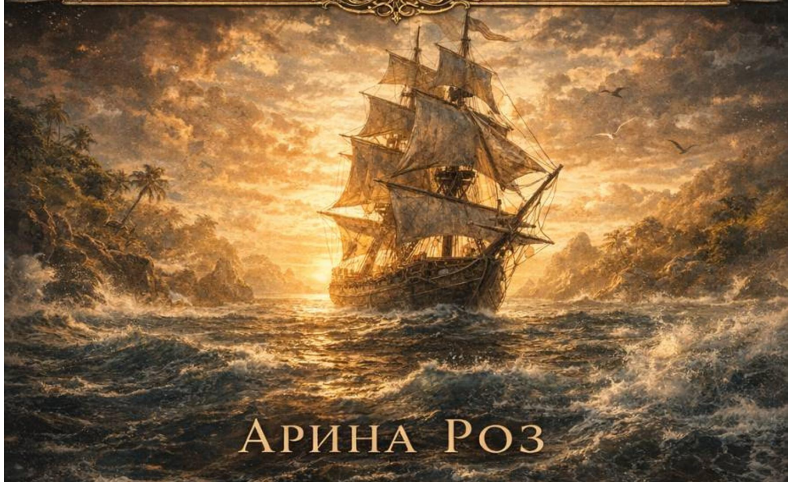

ПОКА ДЛИТСЯ ШТОРМ

АРИНА РОЗ

Арина Роз

Пока длится шторм

<https://litres.ru/73788997>

SelfPub; 2026

Аннотация

Привет, я Ася. Как-то раз я просто потеряла сознание в метро. Казалось бы, с каждым может случиться. Вот только очнулась я на пиратском корабле XVIII века. А из первоклассного адвоката превратилась в ведьму со странным даром, которым даже не представляю, как пользоваться.

Вокруг дым, порох и море. А еще тут капитан, от которого стоит держаться подальше но, если честно, невозможно оторвать взгляд.

Я не знаю, как сюда попала. Не знаю, как вернуться обратно. Но знаю одно - в этом шторме слишком многое зависит от меня.

Содержание

ГЛАВА 1. ВЭЙНОВ	4
ГЛАВА 2. МАРИНА ХОЛФОРДОВА	7
ГЛАВА 3. ПРОКЛЯТЬЕ	11
ГЛАВА 4. УЛИКА	15
ГЛАВА 5. ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА	20
ГЛАВА 6. МОРЕ ВОЛНУЕТСЯ	24
ГЛАВА 7. ПРАВИЛА «ВДОВЫ»	27
ГЛАВА 8. БАЙКИ ТОМАСА	31
ГЛАВА 9. КУРС НА СЕВЕР	37
ГЛАВА 10. ТОНКИЙ ЛЕД	41
ГЛАВА 11. ШТОРМ	45
ГЛАВА 12. ОБВИНЕНИЕ	51
ГЛАВА 13. СТАВКА	55
ГЛАВА 14. ПОРТ	60
ГЛАВА 15. ТАВЕРНА	63
ГЛАВА 16. ФЛАГ «ВДОВЫ»	69
ГЛАВА 17. БЕРЕГ	75
ГЛАВА 18. ГРЯЗНЫЙ ПИРАТ	78
ГЛАВА 19. ПРЕДАТЕЛЬСТВО	82
ГЛАВА 20. ПРЕДЧУВСТВИЕ	89
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Арина Роз

Пока длится шторм

ГЛАВА 1. ВЭЙНОВ

Утро. Октябрь, дождь, офис.

Вчера я выиграла дело — сложное, с хорошим выступлением в суде. Вечером выпила бокал белого вина в одиночестве и поехала домой на такси. Сегодня сидела за столом с растворимым кофе — кофемашина сломалась еще во вторник, в сервис я так и не позвонила, — и разбирала четыре папки: две срочных и две, которые становились все более срочными с каждым днем.

Я открыла первую, пробежала глазами три абзаца и услышала, как в приемной стукнули — коротко, для вида, — и сразу вошли.

Артем Вэйнов был молодым человеком лет двадцати шести с потертой кожаной папкой под мышкой. Сел на предложенный стул, папку не отпустил. Нервный, но не испуганный — это разные вещи. Папка явно не новая. Извинился еще до того, как успел что-то сделать.

— Рассказывайте, — сказала я.

Рассказывал долго и не очень последовательно. История начиналась в восемнадцатом веке, на Карибском море, с

предка по имени Эрик Брандт — капитан, пират, если называть вещи своими именами, хотя господин Вэйнов предпочитал слово «корсар», как будто это что-то меняло. Плавал он недолго, но за это время Брандт успел засветиться в определенных кругах, а потом след его корабля «Вдова» терялся в архивах примерно в 1720 году.

— Плавал совсем недолго, — сказал господин Вэйнов, чуть запнувшись. — Два года от силы. А потом — все.

Я написала в блокноте «Брандт, 1718–1720» и поставила вопросительный знак.

Дело касалось наследственного спора — права на документ, который, по семейной легенде Вэйновых, подтверждал претензии на определенные архивные активы. Противная сторона — Холфордовы, потомки товарища по службе.

— Холфордовы до сих пор оспаривают право на документ, — сказал господин Вэйнов, раскладывая бумаги. — Понимаю, что вся эта история звучит... не совсем обычно.

— Не совсем, — согласилась я.

Я могла закончить разговор прямо здесь. Дело небольшое, архивное, запутанное, и мне понадобилось бы несколько дней, только чтобы понять, есть ли там вообще что выигрывать. Таких дел я не брала уже несколько лет.

Но фамилия «Брандт» зацепила чем-то. Это меня раздражало: объяснить я не могла. Я уже записала ее выше, с датами — и все равно обвела еще раз, отдельно. Я где-то слышала эту фамилию.

— Возьмусь, — сказала я. — Мне понадобится все, что у вас есть. Особенно по Холфордову.

Господин Вэйнов выдохнул с несоразмерным облегчением: значит, ему уже отказывали. Начал говорить какие-то благодарности, и я уже настраивалась на разговор про сроки и ставку, когда он достал со дна папки еще один листок.

— Вот. Взял на всякий случай. Старая копия портрета.

Бумага, пожелтевшая по краям, изображение черно-белое, размытое — копия с копии. Мужчина написан в три четверти: темные волосы, светлые глаза.

Он смотрел прямо на меня.

Я положила портрет на стол и ничего не сказала.

ГЛАВА 2. МАРИНА ХОЛФОРДОВА

Дело Вэйнова я успела изучить за вечер — запутанное по документам, прозрачное по сути. Противная сторона была предсказуемой: фамилия Холфордовых в архивах появлялась именно там, где следовало ожидать предательства.

Я думала о структуре иска, о слабых точках в аргументации противной стороны и о том, кто именно из Холфордовых придет на слушание.

Ответ я получила раньше, чем добралась до зала суда.

Коридор третьего этажа в половине одиннадцатого утра пах пылью и буфетным кофе. Октябрь снаружи был серым и холодным, октябрь внутри — жарким: отопление уже включили и переборщили с мощностью. Я шла с папкой под мышкой по правой стороне — там плитка была ровнее, я давно это знала.

Женщину у окна в дальнем конце коридора заметила еще издалека. Лет сорок пять, темное пальто, прямая спина. Никаких украшений, кроме кольца на правой руке — на среднем пальце, старого, с черным камнем в закрытой оправе. Она стояла так, будто ждала не просто кого-то, а именно меня.

Когда я подошла, она обернулась.

— Вы — Анастасия Шторм? — спросила она.

— Да. А вы?..

— Марина Холфордова.

Мы помолчали несколько секунд — профессиональная пауза при первом контакте противных сторон: не враждебно, но без лишней любезности.

— Дело давнее, документы спорные, — сказала Холфордова ровно. — Надеюсь, обойдемся без эскалации.

— Это зависит от вашей позиции. У вас есть подтверждение прав на архивные материалы?

— Есть семейная история, — сказала она так, будто речь не шла о документах. — Некоторые долги не имеют срока давности.

Я взяла это на заметку и ничего не ответила.

Она посмотрела на меня — чуть дольше, чем нужно, и чуть мимо, как будто за мной было что-то, что интересовало ее значительно больше меня. Это ее манера меня раздражала уже.

— До встречи в зале суда, — сказала она и пошла по коридору.

Я смотрела ей вслед. Холфордова ни разу не взглянула на папку с документами. Она смотрела только на меня — так, словно документы были наименее интересной частью происходящего.

От этого было не по себе.

Предварительное слушание длилось сорок минут и ни к

чему не привело — что и является его целью. Я говорила четко, по существу. Холфордова — также: ровно, профессионально, без единой паузы, словно заготовила все ответы заранее.

Именно это и было странным.

Я умею читать людей через свои — секунду замешательства, слишком быстрое согласие, взгляд в сторону под давлением. Марина Холфордова сбоек не давала. Ее маска невозмутимости была безупречной, и за ней ничего не просматривалось.

Когда речь зашла о праве на исторические документы, она произнесла слово «справедливость» — один раз, без нажима. Этого было достаточно: эта женщина судится не за деньги. За что-то более старое и личное. За что именно — я не понимала, а я привыкла знать мотив до начала работы.

К концу слушания у меня болела голова. Я списала на духоту и продолжила работать.

В коридоре у выхода было почти пусто. Я надевала пальто, когда услышала шаги: Холфордова шла к дверям. Я не стала ее окликать.

А потом — запах.

Не запах даже — ощущение: как будто воздух на секунду стал холоднее и плотнее, с привкусом соли и сырости, как перед штормом. Это длилось мгновение. Я оглянулась — закрытое окно, пустой коридор. Голова заболела сильнее.

Марина Холфордова остановилась у дверей и обернулась.

— Вы не понимаете, во что ввязываетесь, — сказала она спокойно.

И вышла.

Я стояла с пальто в руках. Готовый ответ нашелся бы на любую реплику — это часть моей профессии. Но я промолчала.

На улице октябрь встретил холодом и мокрым асфальтом. Головная боль никуда не делась.

Дома на столе лежал портрет — я не убрала его со вчерашнего вечера. Мужчина с темными волосами и светлыми глазами смотрел прямо на меня. Я достала телефон и набрала Артема Вэйнова.

— Мне нужны оригиналы архивных документов. Все, что есть.

ГЛАВА 3. ПРОКЛЯТЬЕ

Архив закрывался в семь, и я успела с запасом — часа на три, не меньше. Архивариус выложила на стол последнюю папку и ушла, оставив меня и люминесцентный свет, который гудел на одной ноте.

Материалы я запросила вчера вечером, после звонка Вэйнову. Запросила больше, чем нужно для дела, но думала об этом как о стандартной проверке источников: судовой журнал «Вдовы», показания по делу 1720 года, протокол захвата.

Головная боль с утра тихо жила за левым виском, но к полудню стала настойчивее. Я выпила таблетку с холодным кофе из термоса, придвинула первую папку и начала читать.

Дело было изложено так, как излагаются все дела трехсотлетней давности: сухо, точно, без лишнего. Эрик Вильгельм Брандт капитан брига «Вдова», задержан в водах британской короны. Обвинения. Дата. Свидетельские показания.

Имя свидетеля я нашла на третьей странице.

Джеймс Генри Холфордов. Капитан торгового судна «Провидение». Показания против Брандта датированы апрелем 1720 года.

Я перечитала абзац дважды. Я никогда не перечитываю — хорошая зрительная память делает это бессмысленным, о чем я, кажется, неоднократно сообщала коллегам. Тем не менее перечитала. Положила карандаш. Взяла следующую пап-

ку.

В блокнот написала: «Холфордов — ключевой свидетель / источник 1720. Проверить мотив».

Господин Вэйнов позвонил, когда я стояла в очереди за чаем в архивном буфете. По тому, как он начал говорить — торопливо, с извинениями на подходе — я сразу поняла: сейчас скажет то, что сам считает несущественным. Такие люди обычно рассказывают только то, что существенно.

Легенда звучала как все семейные легенды: с оговорками, с деталями, которые обросли слоями за несколько поколений пересказов. В роду Вэйновых существовало предание о ведьме из рода Холфордов, о том, что ее умение передается по крови и что именно это умение сыграло свою роль в гибели Брандта. Формулировка, которая дошла до моего клиента, дословно звучала так: «два года на чужой воде».

— Это все, конечно, просто история, — добавил он.

— Конечно, — согласилась я.

В блокноте написала: «два года». Рядом с тем, что уже стояло раньше. Закрыла блокнот и убрала в сумку.

В метро в половину восьмого ощущается особая усталость: не острая, а накопленная. То самое чувство, когда события дня выматывали медленно, но верно, и теперь это давление стало привычным фоном. Я шла через подземный переход между выходами — эхо моих шагов блуждало между длинными кафельными стенами.

Запах появился без предупреждения.

Соленый, резкий, морской — тот запах открытой воды, который не спутаешь ни с чем и который физически не мог здесь существовать. Я остановилась и обернулась.

Марина Холфордова стояла в десяти шагах.

Она будто ждала меня. Поток людей обходил ее механически, не глядя. Пальто то же, что в суде. Перчатки она держала в руке, и мне снова бросилось в глаза кольцо. Лицо сосредоточенное, рабочее.

Она заговорила раньше, чем я сделала первый шаг.

Слова были на языке, которого я не знала, — не латынь, не что-то романское, что угадывалось бы по корням. Что-то с другим ритмом, более старое на слух. Негромко. Почти буднично. Несколько фраз, затем пауза.

И наконец тихо и ровно:

— Море не лжет.

Я не знала, что это значит. Поняла только, что это было не обращением ко мне — скорее последней фразой какого-то текста, конец которого был предreshен задолго до этого перехода.

Запах моря стал резче — и тогда я поняла, что падаю, хотя ничего под ногами не изменилось. Не скользко, не оступилась. Просто пол исчез.

Холфордова надела перчатки, повернулась и ушла к эскалатору.

Последняя мысль была четкой и почти возмущенной: это невозможно.

А потом темнота — медленная, как прилив. Сначала края размылись, потом кафель поплыл, потом гул голосов стал далеким, как сквозь толщу воды, — и все это еще было, еще существовало где-то, просто уже без меня. Последним исчез запах моря.

ГЛАВА 4. УЛИКА

Сознание возвращалось медленно — сначала окутало тепло, потом почувствовала запах, еще позже — боль в висках.

Тепло шло снизу: песок под ладонями был горячим. Я убрала руки и только потом открыла глаза.

Запах был резким — соль, водоросли, что-то прелое.

Я лежала на спине и несколько секунд просто проверяла себя: руки двигаются, ноги тоже, голова болит — как после встречи с Холфордовой, но слабее.

Тогда я открыла глаза.

Небо было ослепительным. Пальмы. Белый песок. Вода — слишком яркая, почти нереальная.

Я села.

Последнее, что я помнила: переход, Холфордова, ее слова и запах. Потом темнота.

— Отлично, — сказала я вслух. — Испугались и решили убрать адвоката.

Версия складывалась быстро и почти успокаивала: вывезли, выбросили, изолировали.

— Слишком дорого сюда вывозить, — добавила я уже тише.

Я огляделась еще раз.

Никаких зданий. Никаких линий электропередач. Никаких лодок с мотором. Вообще ничего, что хоть как-то напо-

минало бы нормальный мир.

Я встала.

Пальто прилипало к телу, в нем было невозможно находиться. Я сняла его и перекинула через руку.

Это было уже странно.

Очень странно.

В кармане нашелся телефон. 07:43. 14 октября 2026. Нет сети. 34%.

Дата выглядела упрямо нормальной.

Но вот пейзаж, окружающий меня, — нет.

Я медленно выдохнула.

— Хорошо. Допустим.

Я не договорила. Слово «допустим» повисло без продолжения. Если меня никуда не вывозили — то что?

Галлюцинация? Слишком подробно. Сон? Я так не думаю.

Я посмотрела на воду, на песок, на линию горизонта. Буквально пустую. Мне это не нравилось. Сильно не нравилось. Я закинула пальто на плечо и пошла вдоль берега.

Дым я увидела не сразу.

Он поднимался тонкой полосой над деревьями. Значит, там есть люди. Это было единственное, что сейчас имело значение.

Деревня оказалась маленькой: несколько хижин, лодки, козы, куры. Дети замолчали, когда увидели меня. Рыбак чинил сеть. Поднял взгляд, задержал его на мне чуть дольше

обычного и вернулся к работе.

Я показала жестом на рот и сказала по-английски:

— Вода?

Он понял не сразу, но кивнул и позвал кого-то из дома.

Мне принесли воду — в грубой глиняной чашке. Я понюхала, потом все-таки выпила. Вода была теплой, но вроде чистой.

— Корабли? — спросила я, показывая на горизонт.

Он ответил — медленно, с акцентом, часть слов я не разобрала.

Про ветер. Про то, что сейчас не сезон для больших судов. Потом добавил что-то вроде:

— В прошлом году... в семнадцатом... штормы сильные были.

Я замерла.

— В семнадцатом? — переспросила я.

Он кивнул и сказал еще что-то, но я уже не слушала. Семнадцатый.

Я могла бы списать это на что угодно — на местный счет, или на простую ошибку.

Но потом он добавил:

— Август сейчас.

Я медленно кивнула, как будто это было нормально.

Хотя это не было нормально. Ни в каком смысле.

Я допила воду и отошла в сторону. Перебрала версии еще раз. Вывезли — не сходится. Сон — не сходится. Галлюци-

нация — не сходится.

— Значит, — сказала я вслух, — будем проверять. Если это бред — он должен сломаться на деталях. Если нет...

Я не закончила мысль. Нужно было придумать какую-то легенду, пока я здесь. И придумывать ее пришлось прямо на ходу.

Что-то про корабль, про пожар, про то, что меня выбросило за борт.

Если что, буду говорить, что ударилась головой. Это точно должно сработать.

Люди охотно принимают простую версию, если она не требует от них усилий.

Это правило одинаково работает и в зале суда, и при неформальной коммуникации.

Но было понятно: надолго этого не хватит.

На берегу, подальше от деревни, я снова достала телефон. 31%. Нет сети.

Я убрала и выключила. Нужно экономить заряд. Сначала — разобраться, где я и что здесь происходит.

Когда я подняла голову, на горизонте появился корабль. Бриг шел медленно, паруса убраны наполовину. Темный корпус, черный флаг. Я уже ждала увидеть череп. Но его не было. На черном полотне был белый якорь. Я замерла.

Гравюра из папки Вэйнова всплыла в памяти — размытая, с трещинами по сгибам. Тот же флаг. Та же форма.

«Вдова»?!

Я стояла и смотрела, как корабль приближается к берегу.

— Хорошо, — сказала я тихо. — Допустим.

Я подняла пальто и пошла к воде.

ГЛАВА 5. ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

Шлюпка шла к берегу ровно, без спешки. Я насчитала шестерых на веслах и одного, который не греб, — он сидел на корме и смотрел на берег.

Я стояла у воды с туфлями в руке и ждала. Подходить самой не имело смысла: если им надо — подойдут.

Шлюпка ударилась о песок. Двое сразу спрыгнули, потащили ее выше по берегу. Остальные занялись своими делами — быстро, без лишних слов, как будто меня здесь не было.

Меня заметили не сразу.

Тот, что сидел на корме, выбрался последним. Сначала посмотрел в сторону деревни, потом — на меня. Остановился, прищурился, будто прикидывая, что со мной делать, и подошел ближе.

Высокий, плечистый, темнокожий, с татуировками на лице.

— Кто ты и откуда? — спросил он.

Я коротко изложила версию — корабль, пожар, смыло за борт. Он слушал, не перебивая. Потом кивнул в сторону шлюпки.

— Туда.

Меня не спрашивали, хочу ли я.

Они закончили свои дела на берегу — я так и не поняла, какие именно, — а я сидела на камне у воды и смотрела на

бухту. Считала корабли. Их было три, если считать тот, что стоял на якоре дальше остальных и почти сливался с горизонтом. Парень, которого оставили со мной, выглядел так, что с ними лучше не спорить, на поясе у него был и пистолет, и сабля. И я молча ожидала возвращения команды, так как знала, что далеко не убегу.

Когда меня наконец позвали, я даже обрадовалась.

К кораблю гребли молча.

Я сидела на носу, держала пальто на коленях и старалась не думать о том, как выгляжу: блузка, юбка, босые ноги и осеннее пальто на тридцатиградусной жаре. Смешно, если бы не было так неудобно.

На корабле меня встретили сразу.

Люди начали сходитья без команды — просто потому, что на корабле появилось что-то новое. Меня остановили у мачты. Кто-то сказал что-то, кто-то засмеялся, кто-то потянулся потрогать — проверить, настоящая ли.

Я отступила и уперлась спиной в борт.

— Руки убрали, — сказала я резко.

Это не помогло. Но молчать было хуже.

Я говорила быстро, на английском, больше по привычке, чем в расчете, что это что-то изменит. Кто-то повторил слово «корабль», кто-то — «огонь». Остальное их не интересовало.

Люди немного разошлись и ко мне, судя по походке, вышел их главный. У него были темные волосы и светлые глаза.

Я узнала его раньше, чем успела это осмыслить.

Брандт.

Я не успела ничего решить — ни что говорить, ни как себя вести. Только краем глаза заметила движение наверху: дернулся канат, что-то сместилось.

— В сторону, — сказала я.

Громко, резче, чем собиралась.

Кто-то обернулся, кто-то усмехнулся.

А потом сверху сорвалось.

Тяжелый блок на канате рухнул вниз и ударил в палубу — в шаге от того места, где только что стоял Брандт.

Дерево глухо треснуло.

Наступила тишина.

Эрик Брандт посмотрел на блок, потом на меня.

— Кто крепил? — спросил он спокойно. Это прозвучало хуже крика.

Кто-то дернулся в стороне.

— Потом, — добавил он коротко и снова перевел взгляд на меня. — Ты это как сделала?

Я молчала. Потому что не знала.

— Ведьма, — сказал кто-то сзади.

Слово подхватили, и оно быстро пошло по кругу.

Мне это не понравилось.

Круг вокруг меня снова начал сжиматься — уже иначе. Я видела это раньше: страх, который через секунду превращается в агрессию.

— Стоять, — негромко сказал Брандт, но этого хватило.
Руки исчезли.

Он подошел ближе и остановился в шаге. Рассматривал меня так же спокойно, как до этого — блок.

— Имя, — сказал он.

Я на секунду замялась.

— Ася.

Фамилию добавлять не стала.

Он кивнул.

— Будешь пока жива, Ася. Посмотрим, что ты за зверь.

Он отвернулся, и на этом разговор закончился.

Меня оставили у борта. Люди разошлись не сразу — еще оглядывались, переговаривались, но уже без прежнего напора.

Хоть так.

Каюта оказалась тесной, низкой, пахла смолой и старым деревом. Я бросила пальто на сундук и села.

Руки немного дрожали.

Я посмотрела на них и сжала кулаки.

ГЛАВА 6. МОРЕ ВОЛНУЕТСЯ

Я проснулась от качки.

Она была мягкой, но настойчивой: тело медленно показывало из стороны в сторону, и в какой-то момент это движение заставило разомкнуть глаза. Я уткнулась взглядом в потолок.

Надо мной тянулась низкая балка. Гамак тихо скрипнул, когда я пошевелилась.

Несколько секунд я просто лежала, глядя вверх и не двигаясь. Память вернулась резко, без предупреждения. Я села. Голова была тяжелой, но ясной — уже неплохо.

Я спустила ноги на пол — доски под ступнями оказались теплыми — и огляделась.

Каюта была маленькой, тесной, чужой.

Я провела рукой по волосам, пытаюсь привести мысли в порядок, но вместо этого поймала себя на простой и неприятной мысли: ничего не закончилось. Я все еще в том самом месте, где вообще не должна была быть.

В дверь постучали — коротко, один раз.

Я повернулась.

Мужчина, который вошел, был невысокий, широкий в плечах, с татуировками на руках и ключицах. В руках у него была деревянная миска и кружка. Он поставил их на сундук у стены, кивнул в мою сторону.

— Пита.

Видимо, это его имя. Я кивнула в ответ.

Он улыбнулся — просто, без всякого подтекста — и заговорил. Спокойно, без спешки. Показал, где лучше не путаться под ногами, куда не лезть без надобности и в какие часы на камбузе лучше не появляться вовсе.

Наверное, он говорил мне все это, просто чтобы потом не вытаскивать меня из неприятностей.

Я ела и слушала. Мясо было жестким, бобы горчили, но мне было все равно — главное, хоть чем-то заполнить желудок. Я была слишком голодная. Не до капризов.

Когда он закончил свой рассказ, я задала пару вопросов. Он ответил коротко — да, нет, возможно. Больше не добавил ничего, и между нами возникла тишина.

— Одежда, — после паузы сказал он.

На сундуке лежали штаны, рубаха и короткая куртка. Все мужское, но это сейчас было неважно.

Пита ушел.

Я переоделась. Одежда сидела криво — плечи широки, штаны длинноваты, — но двигаться стало легче, и жару переносить можно было уже без героизма.

На палубе темнело. Закат пришел быстро: свет сначала стал густым, оранжевым, а потом почти сразу исчез.

Я вышла и остановилась у борта.

Осматривалась спокойно, без суеты. Трапы, канаты, пушки, мачта с веревочной лестницей. Людей много, все чем-то

заняты, все движется, и поначалу от этого действительно рябит в глазах.

На меня смотрели.

Без злобы — скорее с любопытством. Как на вещь, которую занесли на борт и пока не решили, куда ее деть.

Несколько взглядов я поймала и не отвела глаза первой.

Пусть.

У штурвала стоял Брандт. С ним разговаривал кто-то из команды — его окликнули по имени, и я запомнила: Трой.

За все это время Брандт ни разу не посмотрел в мою сторону. Слишком демонстративно, чтобы быть случайностью. Я поймала себя на том, что смотрю на него слишком долго, и отвернулась.

Палуба постепенно пустела. Люди расходились по вахтам, становилось тише. Я осталась у борта — в каюте было тесно, а здесь хотя бы был воздух. Небо оказалось непривычно густым от звезд. В городе такого не бывает. Море в темноте выглядело тяжелым и равнодушным. Однако вид его завораживал, можно было любоваться им бесконечно.

Я оперлась на борт и в очередной раз попыталась собраться с мыслями. Нужно было разработать план дальнейших действий, но я понятия не имела в каком направлении двигаться.

Я посмотрела в сторону штурвала, а потом перевела взгляд на горизонт.

Он был пустым.

ГЛАВА 7. ПРАВИЛА «ВДОВЫ»

К концу первой недели на «Вдове» я перестала вздрагивать от каждого скрипа.

Сначала я просыпалась от любого звука — канаты скрипели, шаги казались слишком громкими, ветер свистел. Теперь все это слилось в фон. Корабль жил своей привычной шумной жизнью. И если в нем что-то менялось, это чувствовалось сразу.

Наверное, я адаптировалась. По крайней мере, привыкла. Однако я все еще старалась держаться особняком, и это устраивало всех.

Меня практически не трогали. Скорее, не потому что приняли, а потому что не решили, что со мной делать. Иногда кто-то бросал колкие слова, но чаще — просто косились подозрительно исподлобья. На борту я была чужачкой, так что реакция «местных» совершенно понятна, но мне не становилось легче от этого понимания.

Пита иногда приносил мне еду и мог объяснить что-нибудь по кораблю, если видел, что я сейчас «врежусь лбом» в очередной морской обычай. Еще со мной разговаривал Томас — самый молодой из команды, белобрысый, шумный и слишком живой для пирата. Просто матрос, один из многих, кого запоминаешь сразу — не потому что выделяется чем-то особенным, а потому что рядом с ним как-то само собой

становилось чуть менее мрачно. Кажется, его забавляло уже то, что я вообще нахожусь на этом корабле. С ним мы вроде неплохо ладили.

В то утро Томас появился со стороны камбуза с двумя кружками в руках и с таким видом, будто нес не пойло, а важную новость.

— Сегодня сбор, — сказал он, протягивая мне одну кружку. — Капитан зовет. Мы маршрут выбирать будем.

— Мы — это кто? — спросила я, принимая кружку.

Он усмехнулся.

— Ну, не ты, разумеется.

Мне нравилась его прямолинейность.

— Команда голосует, — добавил он беззаботно. — Капитан предлагает — мы решаем.

— Прямо все?

— Все, кто в деле. Так гласят правила кодекса, — пожал он плечами.

Я кивнула и сделала глоток. Напиток был горьким и густым, но бодрил. Томас смотрел на меня с той же легкостью, с какой, кажется, смотрел на все вокруг — будто жизнь на пиратском корабле была самым естественным и приятным из возможных устройств мира. Меня это немного раздражало. Не сам Томас — он был хорошим, и я это понимала, — а именно эта его необъяснимая беззаботность. Как будто он знал что-то, чего не знала я.

— И в чем удовольствие так жить... — буркнула я себе

под нос, морщась от терпкого послевкусия напитка.

Томас посмотрел на меня так, будто я говорю странные вещи.

— Как это — в чем?

— Ну вот так. Тесно, жарко, воняет смолой, люди кругом вооруженные и нервные, любой день может закончиться плохо. И это ты называешь хорошей жизнью?

Он расхохотался.

— Дьявол, ведьма. Что ж ты хочешь назвать хорошей жизнью — скамью у печи, жену с вязаньем и десять лет под одним хозяином? Оно, может, кому и по сердцу, а мне — нет. Здесь хоть знаешь, за что шею подставляешь.

— За добычу?

— И за нее тоже, — охотно согласился он. — Только не в одних монетах дело. На море человеку либо везет, либо нет, а коли везет — весь свет перед ним настезь. Сегодня ты у Тортуги, завтра у Кубы, а через месяц, глядишь, пьешь ром в гавани, о коей на берегу и слыхом не слыхивали. А на суше что? Один и тот же трактир, один и тот же долговой счет, одна и та же рожа сборщика налогов.

— Удивительно, но в твоем пересказе пиратство звучит почти как туристический пакет.

— Чего? — удивленно переспросил он.

Я прикусила язык.

— Ничего. Продолжай.

Он фыркнул и сделал большой глоток из своей кружки.

— А хочешь байку? — спросил он с каким-то особенным азартом...

ГЛАВА 8. БАЙКИ ТОМАСА

Томас так и не дождался никакого ответа. Он начал рассказывать.

— Была у нас одна история. Шли мы мимо Малых Кайманов, и старый Нейл, упокой море его душу, клялся, будто видел в воде огни. Ну такие, знаешь, словно под самой водой город стоит.

— Под водой?

— А то. И не просто стоит, а манит. Говорит: смотришь — и чудится тебе, будто там улицы, окна, люди ходят. Красота такая, что хоть сейчас за борт прыгай. Нейл и прыгнул бы, кабы его не привязали к мачте, потому что был он после этого, как раненый пес, и клялся, будто слышал колокола.

— Очень правдоподобная история, — хмыкнула я. — Прямо внушает доверие.

Русалки, Атлантида, затонувшие города — у каждого народа, который жил у моря, была своя версия того, что прячется в глубине. Люди боятся того, чего не понимают, и заполняют темноту историями. Разумное объяснение. Удобное.

Правда, месяц назад я бы с тем же успехом объяснила, что женщины в переходах метро не умеют отправлять людей в восемнадцатый век.

— А ты смейся, смейся, — беззлобно отозвался Томас. —

Только на другое утро мы заметили в воде обломок крыши. Как от дома обычного. А рядом еще болтался обломок лодки. А Нейла не было нигде — исчез.

Томас глотнул из кружки и пожал плечами.

— Может, тебе это не понравится, но мне кажется, будто бы Томасу просто стоило пить меньше.

— Вот за это с тобой и занятно говорить, — сказал он, прищурившись. — Все тебе хочется разобрать по косточкам и объяснить.

— Это называется здравый смысл.

— Нет, — ухмыльнулся Томас. — Это называется бедная жизнь. Здравый смысл хорош на рынке, когда меряешь ткань. А на море без чутья пропадешь. Тут иной раз надо интуицию слушать. Знать, когда вперед двигаться, а когда — молчать и не глядеть в воду.

— И часто вы не глядите в воду?

— После той ночи — куда как чаще.

Я все-таки усмехнулась. Томас заметил это и просиял так, будто выиграл спор.

— Ну вот, — сказал он. — Уже лучше. А то ходишь с лицом, будто тебя на собственные похороны пригласили.

Я фыркнула в кружку. Смешно.

— Так что за сбор? — спросила я уже спокойнее.

— Курс, говорю же. Капитан хочет взять севернее. Питаворчит, что ветер будет дурной. Старый Хью клянется, что у южной банки нынче удача. А Трой, как всегда, за то, где

можно первым пустить кровь и не ждать.

— Очаровательно. И вы вот так каждый раз спорите?

— Не всякий раз. Иной раз — орем. Как-то и дрались даже. А иной раз капитан скажет два слова — и всем делается удивительно ясно, куда плыть.

Он сказал это с легкой усмешкой, и я поняла посыл.

— То есть все-таки решает капитан.

— Нет, — возразил Томас и покачал головой. — Решает команда. Просто хороший капитан умеет убедить.

— Это у вас называется свободой воли?

— А у вас как?

— У нас это называется хорошей манипуляцией.

Томас задумался на секунду, потом снова расхохотался.

— Все-то у тебя находятся какие-то странные и скверные слова.

Я ничего не ответила. Мне вообще следовало следить за языком почаше.

К полудню на палубе стало тесно.

Люди сходились без команды — кто с бака, кто снизу, кто с вахты. Разговоры глохли сами собой, когда все собирались ближе к мачте. Я осталась в стороне, у борта. Брандт вышел последним. Остановился у мачты, оглядел людей — быстро, без показной паузы, — и заговорил. Назвал курс, сроки, два варианта. Один — короче и рискованнее, второй — длиннее, но безопаснее.

— Север, — сказал кто-то сразу.

— Север, — поддержали с бака.

— Север, — повторили еще несколько голосов.

Я нахмурилась.

Слишком быстро.

— А что с ветром? — спросил кто-то из старших, ближе к корме.

— Сменится через два дня, — ответил Брандт. — Нам хватит.

Кто-то выругался вполголоса. Кто-то кивнул.

— Южный, — крикнул один.

Его перебили сразу.

— Долго.

— Скучно.

— Добычи не будет.

Пираты начали спорить.

— Голосуйте, — приказал Брандт.

Руки поднялись почти одновременно.

Я считала автоматически.

Большинство за север.

С запасом.

— Принято, — кивнул он.

И в этот момент меня накрыло. Как тогда — с блоком.

Я узнала это ощущение за долю секунды до того, как поняла, что происходит: это нечто резкое, чужое, будто не из головы, а так, что кто-то толкнул изнутри.

— Нельзя на север, — сказала я.

Слова вырвались раньше, чем я успела их остановить. На палубе стало тихо. Потом все начали оборачиваться. Кто-то хмыкнул. Кто-то выругался.

— Это еще что?

— Она чего сказала?

— Баба...

— Я сказала — нельзя, — повторила я, все еще не до конца владея голосом. — Пойдете на север — быть беде.

Я сама не знала, откуда эта информация взялась в моей голове. Я просто знала это и все.

— Ведьма, — сказал кто-то.

— Ведьма, — подхватили другие головы.

— Кто ей слово давал?

— Бабу на корабль взяли — вот что, к беде!

Голоса нарастали быстро, как волна.

Я стояла на месте, чувствуя, как внутри все еще держится этот импульс — не отпускает, не дает отступить.

— Хватит, — негромко сказал Брандт, но шум оборвался, как обрезали. Он повернул голову в мою сторону.

— Молчать. Здесь ты никому ничего не указываешь.

Я сжала ладони в кулаки. Импульс упрямо оставался на месте. Как будто мне больше всех нужно!

— Тогда зачем ты меня взял? — сказала я резко. — Чтобы я молчала?

Кто-то рядом выдохнул сквозь зубы.

— Ты сам сказал, что я тебе нужна, — продолжила я, не

успев остановиться. — Или это работает, только когда тебе удобно?

Тишина стала плотнее.

Теперь вопросительно смотрели не только на меня, но и на него. Брандт сделал шаг ближе.

— Я сказал — замолчи, — повторил он, что прозвучало куда тише и... злее. — Решено: идем на север.

Он перевел взгляд с меня на людей.

— Разговор окончен.

Это уже было для всех. Пауза повисла еще на секунду, потом кто-то первым отвел глаза, кто-то хмыкнул, кто-то сплюнул в сторону.

Привычный галдеж вернулся, как будто ничего не произошло.

Только я все еще стояла на месте, с тем же ощущением внутри — беспокойство обволакивало меня, точно одеяло.

Я машинально огляделась.

Томас стоял чуть в стороне, я поймала его встревоженный взгляд. Он смотрел на меня достаточно внимательно. Я не сомневалась, он единственный, кто поверил. Или хотя бы задумался, что я могу быть права.

Я отвернулась первой.

ГЛАВА 9. КУРС НА СЕВЕР

Курс взяли почти сразу после собрания, без лишних обсуждений и без попыток что-то проанализировать. Паруса натянулись, канаты затрещали под ветром, и «Вдова» уверенно шла на север.

И вроде бы внешне не изменилось ничего.

Море оставалось спокойным. Волны хоть и были, но довольно спокойные, да и ветер не вызывал тревоги. Он был такой, какой и нужен для удачного плавания — держал паруса и не требовал лишней суеты. Пираты разошлись по своим делам, палуба зажила привычной жизнью, и если бы не недавняя сцена, можно было подумать, что день ничем не отличается от предыдущего.

Но это ощущение — необъяснимого беспокойства — никуда не делось.

Оно просто стало тише.

Я стояла у борта и смотрела на воду, стараясь уловить, что именно изменилось. Та же линия горизонта, та же темная глубина, та же равномерная качка. И все же взгляд цеплялся за мелочи: оттенок воды казался чуть более мрачным, чем утром, волна — тяжелее, как будто глубина под ней была иной, более вязкой и непредсказуемой, чем должна быть.

— Не гляди так, — слышался голос Томаса рядом.

Я не повернулась.

— Как?

— Будто ждешь, что море сейчас тебе ответит на все вопросы.

Я все-таки посмотрела на него. Он стоял, опираясь плечом о снасть, шурился от слепящих солнечных лучей, устремив взгляд на горизонт и выглядел почти так же, как всегда — живым и немного насмешливым. Только взгляд его стал более сосредоточенным.

— Оно никому ничего не отвечает, — добавил он. — Ни тебе, ни мне, ни даже капитану.

— Так ты разве не считал иначе? Столько признаний в любви к морю, а теперь — вон оно как, — подметила я.

Он коротко усмехнулся.

— Я говорил про свободу, ведьма. Не про ответы.

Мы на несколько секунд замолчали. Ветер тянул паруса, где-то наверху лениво скрипнул блок, и корабль мягко качнулся на волне.

— Ты правда думаешь, что я все это придумала? — спросила я, не отрывая взгляда от воды.

Я видела, как он чуть сжал губы, словно примеряя слова, которые не хотелось говорить вслух.

— Я думаю, — сказал он наконец, — что ты не похожа на тех, кто пустословит.

Он сказал это крайне осторожно, но этого хватило. Он верил мне, и это главное. В этом месте мне не мешало обзавестись союзниками.

Я кивнула.

— Тогда тебе стоит надеяться, что я ошиблась.

— С другой стороны, а что надеяться? Здесь, на воде, нам либо везет, либо нет.

— Отличная философия.

— Как есть, — пожал он плечами.

Я уже хотела ответить, но в этот момент на палубе кто-то резко выругался.

Мы оба повернули головы.

Один из матросов тянул снасть, другой — канат с таким раздражением и злостью, как будто тот намеренно сопротивлялся.

— Тяни, говорю! — крикнули ему с кормы.

— Да тяну я! — огрызнулся он.

Канат дернулся... и вдруг ослаб без видимой на то причины, словно его отпустили. Матрос пошатнулся, едва удержав равновесие.

Сразу же раздался смех.

— Руки из жопы, вот и все!

— Сам попробуй!

Громкий хохот пиратов быстро разлетелся по всему пространству, но вот Томас не смеялся.

Он смотрел на канат.

— Что? — тихо спросила я.

— Ничего, — ответил он слишком быстро. — Показалось.

Но взгляд не отвел, так что я посмотрела тоже. Не обнару-

жив ничего необычного и придя к выводу, что канат выглядит абсолютно обыкновенно, я отвернулась обратно к морю.

Еще там, во время «пиратского собрания», я по глазам Томаса поняла, что он испугался моих слов. И сейчас мне казалось, будто он прислушивается к каждому шороху только потому, что слишком сильно накрутил себя.

— Совпадение, — сказала я.

— Ага, — тихо отозвался он. — Совпадение.

Он произнес это так, будто сам в это не поверил.

ГЛАВА 10. ТОНКИЙ ЛЕД

К вечеру воздух стал куда прохладнее. Вдобавок кожу начало стягивать — лицо, руки, губы. Я сначала не поняла, потом сообразила: соль. Она была везде — в воздухе, в ветре, оседала на коже тонкой невидимой пленкой и сушила так, как не сушит никакой мороз. Боюсь представить, что будет с моим лицом после этого приключения. Тепло, к которому я уже успела привыкнуть, будто чуть отступило, и ветер начал вести себя резче. Меня не покидало ощущение, что во всех этих событиях проявлялась скрытая угроза.

Я стояла у борта, когда услышала шаги за спиной.

— Не нравится тебе север, значит.

Я не обернулась. Голос Брандта я научилась узнавать с полуслова. Раздражающе высокомерный с точки зрения интонации и такой приятный, почти бархатный, по тембру.

— А тебе?

— Мне все равно, — ответил Брандт.

Я повернулась.

Он стоял слишком близко — я не заметила, когда он успел так сократить расстояние между нами. Это раздражало. И настораживало.

— Ты уверенно врешь, — сказала я.

Он чуть наклонил голову, разглядывая меня так, словно я была задачей, которую он пока не решил.

— А ты уверенно лезешь туда, куда тебя не звали.

— Да, но я же не просто так «лезу». Я пытаюсь помочь, черт возьми. Это часть моей сделки, забыл?

Я сжала пальцы. Он молча окинул меня взглядом.

И в этом взгляде не было ни открытого раздражения, ни насмешки. Только внимательность. Он будто сканировал меня.

— Ты правда думаешь, что можешь указывать мне на моем корабле? — спросил он спокойно.

— Да чтоб тебя. Ты издеваешься? Я просто пытаюсь достучаться до тебя! Ты ведешь свой корабль к беде.

— По-твоему, этой отговорки достаточно? Для нас беда — часть бытности.

Он помолчал пару мгновений, на лице промелькнула тень. Затем его лицо приняло привычное надменное выражение.

— Беда разная бывает, — вырвалось у меня.

Он усмехнулся — едва заметно.

— Тогда скажи, ведьма, — произнес он тихо, — ради чего, по-твоему, я рискую?

Я прищурилась.

— Вот это я как раз и пытаюсь понять.

Он молчал, и я шагнула ближе.

— Так ради чего ты ведешь своих людей на север? Там что — золото? Тайник? Или ты повелся на какую-нибудь бестолковую легенду?

В его взгляде что-то мелькнуло — быстро, почти незамет-

но.

— Закончим на этом. Это не твое дело.

— Значит, легенда, — спокойно сказала я.

Он отвернулся и уже собрался уйти. Но именно в этот момент я сказала:

— Твои сказки не стоят жизней людей. Пусть даже эти люди — шайка мерзких пиратов.

Он остановился и медленно развернулся. Подошел слишком близко.

Резко, почти грубо, подцепил пальцами мой подбородок и дернул вверх, заставляя поднять лицо. Я невольно привстала на носочки, чтобы удержать равновесие.

Его лицо оказалось совсем рядом.

Слишком.

— Ты говоришь о моих людях, — сказал он жестко, и я прикусила язык.

В его взгляде не было ярости, но было нечто тяжелое, давящее, пробирающее до мурашек. А я не отвела глаз, ни на секунду. Мы смотрели друг на друга, и в этом молчании было больше, чем в любом разговоре — напряжение, злость, интерес, что-то еще, чему я пока не могла дать название. Он держал меня так еще мгновение, а потом резко отпустил.

Он развернулся и ушел, не сказав больше ни слова. Я осталась на месте.

Сердце билось быстрее, чем должно было. И это раздражало сильнее всего.

Ночью я проснулась. Скорее не от шумов, а от их полного отсутствия.

Корабль всегда издавал хоть какие-то звуки — скрипел, дышал, отзывался на ветер. Даже во сне это ощущалось, как фоновый шум, к которому привыкаешь.

А сейчас...

Я открыла глаза, села на матрас и стала прислушиваться.

Ветер почти не шумел, море — тоже. Даже сам корабль будто замолчал.

Я спустила ноги на пол и вышла на палубу.

Там было почти пусто — только вахта у штурвала и темная линия горизонта, едва различимая в ночи. Я подошла к борту и посмотрела вниз. Вода казалась слишком ровной, слишком гладкой. Как будто ее поверхность на секунду стала неподвижной, лишенной глубины.

Вдалеке все же показалось нечто вроде тумана или дымки. Сероватое облако выделялось на черном фоне полотна неба и казалось лишним мазком на продуманной до мелочей картине. Я прищурилась и всмотрелась в него.

Я моргнула.

В этот момент сильная волна неожиданно ударила в борт...

ГЛАВА 11. ШТОРМ

«Вдова» содрогнулась всем корпусом. Меня швырнуло вперед, ладони сами вцепились в мокрое дерево, и почти сразу вслед за этим налетел ветер — резко, без предупреждения, как удар.

Мир изменился за секунду.

Еще мгновение назад море было тяжелым, странно тихим, будто затаившимся. Теперь оно вздыбилось сразу со всех сторон. Волны поднялись, как стены, ветер врезался в паруса, канаты застонали, и в ту же секунду сверху обрушился дождь — плотный, холодный, обжигающий лицо.

— На палубу! — заорал кто-то. — Шевелитесь!

Гром ударил почти одновременно с молнией, и в этом белом свете я увидела все сразу: людей, бегущих по скользким доскам, рваные силуэты снастей, пену, уже заливающую палубу, и черную воду, которая поднималась слишком высоко — опасно высоко.

— Убрать верхний!

— Держи снасть!

— Левее, дьявол тебя раздери!

Команды сыпались одна за другой, координируя работу команды. Жесткая, привычная, отточенная до автоматизма.

Я сделала шаг — и тут же едва не упала.

Корабль резко дернуло вверх, потом вниз, и палуба под

ногами превратилась в живую, скользкую поверхность, которая в любой момент могла выбросить за борт.

— В каюту! — крикнули мне.

Очень кстати.

Я попыталась двинуться — и поняла, что никуда не дойду. Ветер бил в грудь, дождь заливал глаза, а вокруг уже не было ни одного спокойного участка, за который можно было бы зацепиться и перевести дух.

Следующая волна пришла сбоку.

Я не успела ее увидеть — только почувствовала, как «Вдова» резко завалилась, и в следующую секунду меня снесло с места. Пальцы сорвались с каната, я ударилась коленом о доски и поехала по палубе прямо к борту вместе с водой, веревками и чем-то тяжелым, что прокатилось мимо.

Я успела только понять: сейчас перелечу за борт. И действительно, кажется именно к этому все и вело.

Чья-то рука схватила меня за предплечье.

Резко. Больно.

Меня дернуло назад, развернуло, и я врезалась в чью-то грудь.

— Жить надоело? — рявкнул Брандт.

Я даже не ответила — просто вцепилась в его рубаху, потому что корабль снова дернуло.

— К мачте! — бросил он.

И буквально толкнул меня вперед.

Впервые мне не хотелось с ним спорить.

Добравшись до опоры, я вцепилась в нее обеими руками, прижалась плечом и попыталась хотя бы удержаться на месте. Это уже было достижением.

Шторм разошелся мгновенно и по-настоящему.

Паруса были спущены — команда успела это сделать раньше, чем я вообще поняла, что происходит, — и голые мачты скрипели и гнулись под ветром с тем протяжным стоном, от которого становится не по себе. Канаты хлестали по воздуху, дерево трещало. Волны шли одна за другой, без пауз, и каждый удар бросал корпус так резко, что руки немели от усилия удержаться.

И в этот момент я поняла: шторм не просто сильный, но еще и довольно странный.

Он пришел слишком быстро, и к этому, казалось, совершенно не было предпосылок. Все произошло слишком резко. Как будто его не принес ветер — как будто он обрушился на «Вдову» ровно в ту секунду, когда сам захотел.

От этой мысли стало холоднее, чем от дождя.

Слева что-то хрустнуло.

Я повернула голову и увидела, как одна из рей дернулась и пошла вниз.

— Берегись!

Кто-то успел отскочить, кто-то — нет. Один из матросов рухнул на палубу, закрывая голову. Пита оказался рядом первым — схватил его за плечо и оттащил в сторону.

— Держать! — рявкнул Брандт.

Он уже был рядом.

Не у штурвала — здесь.

Схватился за снасть вместе с остальными, уперся ногами, тянул, не отдавая ни дюйма. Команда вцепилась в канаты так, будто держала не мачту — собственную жизнь.

И это было именно так. Несколько напряженных секунд — и рею удержали. Люди отвалились от снастей, тяжело дыша. Кто-то сплюнул. Кто-то хрипло засмеялся. Но ветер снова сменился.

Резко.

Паруса дернуло в другую сторону, корабль качнуло, и в этот момент молния снова разрезала небо.

И я увидела впереди огни.

Под водой.

Слабые, зеленоватые, они тянулись цепочкой, как улица в затопленном городе.

Я замерла.

Томас тоже это увидел.

— Не гляди! — заорал кто-то. — Не гляди в воду!

Несколько человек отвернулись сразу, кто-то перекрестился, кто-то выругался.

Брандт смотрел вперед. И по его лицу было ясно — он не удивлен.

И в следующую секунду волна накрыла корабль полностью.

Меня снова сорвало с места.

— Держись! — рявкнул Брандт.

Я вцепилась в него, не раздумывая. Корабль качнуло, но на этот раз я не улетела. Мы устояли. Следующие минуты — или часы — слились в одно. Волны били. Люди работали. Брандт орал команды. Томас держался рядом. Пита вытаскивал тех, кто падал. И постепенно — очень медленно — шторм начал сдавать.

Сначала ветер стал ровнее. Потом волны — реже. Дождь ослаб, превратился в мелкую, обычную морось. Корабль все еще качало, но уже не так, как прежде.

Живы.

Мы выжили.

Я выпрямилась, отпустила мачту и только тогда почувствовала, как дрожат руки. Палуба выглядела иначе. Сбитые снасти, мокрые доски, обломки, вода в углублениях, люди — уставшие, грязные, но стоящие на ногах. Никто не лежал неподвижно. Никого не унесло. Это было почти чудо.

Брандт прошел мимо меня, не останавливаясь. Лицо у него было жесткое, злое, уставшее. И в этот момент меня прорвало.

— Я же говорила! — рявкнула я ему в спину, пока вода стекала с меня ручейками. — Говорила, что если пойдем на север — будет беда!

Он даже не замедлил шаг. Только плечо чуть дернулось.

— Умолкни, ведьма, — бросил он, не оборачиваясь.

Я сжала кулаки.

— Это только начало, — добавила я достаточно громко.

Кто-то рядом хмыкнул. И тут один из матросов, тот самый, что недавно держал снасть, вдруг сказал:

— А что если это... что если она — и есть беда? Она же это предсказала. Значит, и наколдовать могла...

Тишина настала моментально. Даже море, казалось, притихло.

Брандт остановился и обернулся. Он смотрел на меня, не говоря ни слова.

— Ой ну что за бред? — начала было я, но быстро умолкла, замечая реакцию капитана.

«Кажется у меня проблемы», — проскочило в голове.

ГЛАВА 12. ОБВИНЕНИЕ

Брандт молчал. И в этом молчании было ровно столько, чтобы я поняла: вопрос пока открыт.

— Разойдитесь, — сказал он.

Негромко, но так, что команда вмиг расступилась. Медленно, с гулом, с переглядками. Тот матрос, что обвинил меня — кажется, его звали Глас, — задержался дольше остальных, смерил меня взглядом и ушел последним. Где-то сбоку Томас шумно выдохнул.

Брандт повернулся и пошел к корме.

— За мной, — бросил он, не оборачиваясь.

В его каюте пахло чем-то средним между смолой, табаком и легким «шлейфом» издававших виды сапог. Интерьер оказался довольно незатейливым, несмотря на то, что это, вроде как, капитанские «покои». Стол, сундук, карта на стене — старая, с потертыми краями. Вот и все, что бросалось в глаза при беглом осмотре. Брандт закрыл дверь и прислонился к карте спиной, скрестив руки на груди.

— Ну? — сказал он.

— Что — ну? Я уже все сказала.

— То было для них. — Он кивнул в сторону палубы. — Теперь говори для меня.

Я смотрела на него.

— Ты серьезно думаешь, что я устроила этот шторм?

— Я думаю, — сказал он медленно, — что ты возникла на нашем пути буквально из ниоткуда. Что дважды знала о беде раньше, чем она случалась. И что после шторма у меня пострадали люди. Чудом никто не умер.

— И поэтому виновата я?

— Я не сказал, что виновата. Я спрашиваю, как ты можешь доказать обратное.

Я помолчала секунду. За бортом размеренно плескалась вода — море после шторма успокоилось слишком быстро, и эта тишина была почти непривычной.

— Хорошо, — сказала я. — Давай начистоту. Если бы я хотела навредить твоей команде — у меня на это была целая неделя. Я могла, скажем, отравить еду, воду или ваш дурацкий ром. И ничего подобного я до сих пор не сделала.

— Да, — согласился он. — Однако шторм был.

— Шторм был потому, что мы в море! Ну или, в крайнем случае, потому что вы пошли на север, хотя я предупреждала. — Я почувствовала, как изнутри поднялась волна возмущения — злость, усталость, что-то еще. — Я говорила. Никто не слушал. Шторм пришел. Теперь виновата я. Это очень удобно.

Он смотрел на меня без особых эмоций.

— Откуда ты знала про курс?

— Не знаю откуда. Почувствовала.

— Почувствовала, — повторил он.

— Да. Так же, как с блоком. Я увидела, что снасть нена-

дежна, и крикнула. Это не магия. Это просто — я обращаю внимание на детали.

— Шторм — это не снасть, — сказал он.

— Нет. Шторм — это другое. — Я помолчала. — Я понимаю, как это звучит. Но это правда.

Он отошел от двери, сел на край стола, вытянул ноги. Смотрел на меня снизу вверх — спокойно, будто никуда не торопился. В целом, так и было. Это же моя судьба сейчас решалась — не его.

— Стало быть, ты не ведьма, — сказал он. — Просто ве-
зучая и глазастая.

— Да. Нет. То есть... Я не считаю себя ведьмой.

Мысленно я проклинала себя. Мои спутанные речи едва вызывали доверие, это я и сама понимала. Однако Брандт выглядел довольно спокойным.

— Хм. — Он взял яблоко из вазы с фруктами и покрутил его в руке, — А отчего тогда команда неспокойна?

— Да откуда я знаю? — в момент вскипела я, но тут же постаралась усмирить пыл, — Потому что людям нужно объяснение. Случилось что-то плохое — значит, кто-то виноват. Я чужая, я странная, я оказалась здесь непонятно откуда. На меня удобно все свалить.

Он помолчал.

— Ты складно говоришь. Умеешь убеждать.

— Умею, — согласилась я. — Но сейчас я просто говорю правду, так что мне даже стараться особо не приходится.

Он усмехнулся — коротко, почти незаметно.

Потом усмешка пропала.

— Допустим, — сказал он. — Однако ж мне нужно дать команде ответ. Люди беспокойны — это опасно. Неспокойная команда хуже шторма, поверь мне на слово.

— Верю.

— Стало быть, мне нужна причина оставить тебя на борту. — Он как будто о ящике с утварью говорил. Как будто меня можно взять и выкинуть, когда захочется. — Такая, чтоб у людей вопросов не осталось в случае чего.

Я смотрела на него.

Он не угрожал — это было самое странное. Он просто раскладывал задачу. Спокойно, почти по-деловому, как будто мы обсуждали не мою жизнь, а какой-нибудь вопрос о курсе.

Я подумала секунду.

ГЛАВА 13. СТАВКА

Логических аргументов у меня было достаточно. И их весомость в глазах людей, которые верят в проклятья, русалок и «живые» города под водой, мизерная. Но вдруг мозг зацепился за кое-что. В голове мигом выстроилась логическая цепочка. Проклятье...

— Я же ведьма по-вашему, не так ли? — неожиданно уверенно и почти дерзко спросила я.

Брандт, казалось, даже чуть напрягся, но это заставило его переключить максимум внимания на меня.

— Продолжай, — до смешного серьезно бросил он.

— Тогда вот что. — Я выдержала паузу и вальяжно прошлась вдоль его каюты, проводя пальцами по полке с различным барахлом в виде странных статуэток, каких-то металлических кубков, золотых массивных украшений и прочего. — Ты уверен, что на тебя и на всех твоих людей не наложено проклятье? Такое, которое сработает ровно в ту секунду, как кто-нибудь попытается причинить мне вред?

Для большей эффектности я резко повернулась к нему и обдала его самым стервозным взглядом, который только был в моем адвокатском арсенале. В каюте возникла тишина.

Брандт смотрел на меня. Я смотрела на него. Даже не моргала.

«Главное, не засмеяться», — проскочило в голове в тот

момент.

Он медленно откинулся назад, оперся руками о стол и усмехнулся. Но я видела, как искра сомнения вспыхнула в его глазах. То, что нужно.

— Блефуешь, — сказал он.

— Может, и блефую, — быстро согласилась я. — Но только ты не знаешь этого наверняка. А проверять, я полагаю, тебе не слишком хочется.

Я улыбнулась и подмигнула ему. Он молчал.

За бортом вздохнуло море. Где-то наверху скрипнул канат.

— Ловко, — произнес он наконец.

— Иногда говорить правду — самое верное решение, — задумчиво протянула я.

Брандт ничего на это не ответил. Но ему и не нужно было, я уловила в два счета, что он поверил на слово. Оказалось так просто обвести его вокруг пальца. Я и не думала, что получится сделать это за пару минут диалога.

Он посмотрел на меня еще секунду и встал со своего места.

— Ладно. Идем.

На палубе работа шла своим ходом, но пираты замедлились, едва мы вышли. Взгляды потянулись следом — молча, без суеты. Клас у мачты. Трой у борта — его руки были сложены на груди, лицо выражало недоверие. Томас где-то на баке, и я краем глаза поймала, как он вытянул шею, чтобы я

попала в его поле зрения.

Брандт остановился посередине палубы.

— Слушайте, — сказал он. — Она дважды предупредила нас раньше, чем что-то случилось. Оба раза — точно. Это либо удача, либо что-то большее, и я не собираюсь выбрасывать за борт то, что может нам пригодиться. — Короткая пауза. — Кроме того, ведьму не выкидывают. Ведьму либо держат при себе, либо получают проклятье на следующие десять лет. Я предпочитаю первое. — Он обвел взглядом команду. — Она остается на борту. Под мою ответственность. Разговор закрыт.

Наступила напряженная пауза.

Никто не произнес ни слова. Капитану не смели перечить. Клас смотрел в палубные доски. Кто-то кашлянул. Кто-то тихо выругался себе под нос.

— Трой, — позвал Брандт.

Трой поднял голову.

— Есть что сказать?

— Нет, капитан, — произнес Трой.

Однако в этой короткой фразе слишком сильно чувствовалось несогласие, которое пока что он просто решил не озвучивать. Я поняла это. Брандт тоже понял — я видела по тому, как он на долю секунды задержал на Трое взгляд, прежде чем кивнуть.

— Разойдитесь.

Работа снова закипела. Томас оказался рядом — матери-

ализовался из-за чужих спин так быстро, словно только и ждал подходящего момента.

— А ты живучая, — сказал он тихо, почти радостно. — Вот и ладно.

— Ты так переживал?

— А то, — фыркнул он. — Я ставил на тебя.

— В смысле — ставил?

Он скосил на меня взгляд.

— Ну. С Питой поспорили. Он говорил — капитан тебя за борт отправит. Я говорил — нет.

Я уставилась на него.

— Вы поспорили на мою жизнь?

— Ну... формально на полкувшина рому, — уточнил он с абсолютно невозмутимым видом.

— На полкувшина рома? Ставкой была моя жизнь, а призом лишь полкувшина какого-то рома? — возмущенно вскрикнула я.

Томас сделался нетипично задумчивым.

— Ну да, выходит, что так, — просто ответил он.

Я открыла рот, закрыла и решила, что лучше промолчу. Ограничусь тяжелым вздохом.

Томас ушел, насвистывая что-то себе под нос. Я осталась у борта.

Ветер с севера был холодным и ровным. Море после шторма присмирело и не пыталось брыкаться. Я смотрела на горизонт.

Брандт был у штурвала — я не оборачивалась, но краем глаза иногда ловила его тень. Он изредка переводил взгляд в мою сторону. Коротко. Не задерживая.

Я думала о том, что произошло в каюте. О том, что он мог решить иначе — и у него было бы куда меньше проблем. О том, что он взял меня под свою ответственность не потому что поверил. Я не знала, поверил ли он вообще хоть единому моему слову.

Но что-то сработало.

Что именно — я не понимала. И сейчас вдруг это волновало меня сильнее, чем все остальное.

«Вдова» шла вперед. На север.

ГЛАВА 14. ПОРТ

Неисправность обнаружилась на следующее утро — внезапно и некстати, как это обычно и бывает.

Я проснулась от голосов. Громких, злых. Что-то явно пошло не так и все уже знают об этом, но еще не решили, кто виноват. Выбралась из гамака, вышла на палубу.

У грот-мачты стояли Пита, Трой и еще трое. Пита присел на корточки и смотрел вниз — на гнездо, в котором стояла мачта. Дерево там потемнело и пошло трещинами.

— Что случилось? — спросила я у Томаса.

— Степс гнилой, — сказал он. Степс — это, видимо, и есть то «гнездо». — Под штормом и добило окончательно. Мачта пока держится, но это ненадолго.

— И что это значит?

— Необходимость причалить, плотника и новое дерево. — Он почесал затылок. — Еще это означает, что Трой с утра ищет виноватого. Хотя какой тут виноватый — степс прогнил, шторм добил, дело понятное. Но Трою нужно на кого-то рычать, это у него такое утреннее упражнение.

Брандт принял решение быстро — через два часа «Вдова» поменяла курс. Ближайший порт назывался Пуэрто-Реаль: маленький, грязный, с деревянными постройками вдоль единственной улицы и репутацией места, где никто ни о чем не спрашивает, если ты платишь. По крайней мере, это то,

что я слышала от пиратов.

Плотника нашли к полудню. Тот осмотрел степс, покачал головой и сказал, что раньше, чем через два дня, не управится.

Два дня.

Часть команды сошла на берег с такой скоростью, словно «Вдова» внезапно оказалась им тесна. Остальные остались — не по доброй воле, а потому что корабль без присмотра в чужом порту это не корабль, а подарок. Трой распределил вахты коротко и без обсуждений, и те, кому не повезло с очередностью, проводили уходящих людей разочарованными взглядами.

Таверна, в которую меня затащил Томас, не имела читаемого названия — вывеска давно облезла. Внутри было темно, накурено и шумно, пахло жареным мясом и кислым вином. Длинные столы, лавки, огонь в очаге, и народу столько, что между столами приходилось протискиваться боком.

Наши уже заняли угол. На столе стояли кувшины.

Я огляделась. Надвинула шапку посильнее, прямо на глаза, плотнее укуталась в куртку. В мужской одежде, в полутьме я выглядела просто как еще один пират с корабля. Никто особо не всматривался.

Пита подвинулся, освобождая место. Я села.

— Пей, — сказал Томас, пододвигая кружку.

— Что это?

— Ром.

— Хороший?

Пита издал неопределенный звук, который мог означать что угодно.

Я выпила. Ром был крепким, резким и оставлял на языке привкус чего-то смолистого, отдаленно похожего на деготь. Я поставила кружку и огляделась.

Веселье шло полным ходом. В дальнем углу кто-то играл на чем-то струнном — громко и не вполне точно, зато с чувством. Несколько пар топтались посреди зала в том, что при большом желании можно было назвать танцем. За соседним столом уже назревала ссора — двое мерились взглядами с интенсивностью людей, которые еще не решили, закончится ли это словами или чем-то более весомым.

У стойки крутились женщины — яркие, шумные, явно понимающие, зачем они здесь.

Брандт сидел в стороне.

Я заметила его не сразу — он устроился за отдельным столом у стены, подальше от основного шума, и при этом так, чтобы видеть весь зал. Перед ним стояла кружка и лежала карта — та самая, с потертыми краями. Он смотрел в нее, не поднимая головы.

К нему подошла женщина — рыжая, улыбчивая, с декольте, которое не оставляло места для фантазии. Что-то сказала, наклонившись к нему. Брандт ответил коротко, не отрываясь от карты, и женщина ушла к более перспективным клиентам...

ГЛАВА 15. ТАВЕРНА

Вечер набирал обороты, а я все продолжала наблюдать за Эриком.

— Он всегда так? — спросила я у Томаса.

— Как это — так?

— Ну... сидит молча, уткнувшись в карту. Отдельно от всех.

Томас хмыкнул и потянулся за кувшином.

— В портах — почти завсегда. Говорит, на берегу думается лучше. — Он налил себе, подумал и долил мне тоже. — Хотя я вот лично думаю, что ему просто нравится, когда шумно вокруг, а он сам с собой, как будто не участвует в этом.

— Странная привычка.

— У него таких много, — охотно подхватил Томас. — Ты б видела, как он с навигационными картами разговаривает, когда думает, что его никто не слышит.

— Разговаривает?

— Ну, не то чтоб разговаривает. Ворчит. Как будто карта виновата, что берег не там, где он хочет.

Пита коротко усмехнулся в кружку.

— А давно он капитан? — спросила я.

— На «Вдове»? — Томас прикинул. — Я с ним два года хожу, и когда пришел, он уже был капитаном. Сколько до

этого — не знаю, не застал. — Он пожал плечами.

— Но по нему видно, что не первый год. Такое не за месяц наработывается, — заметил Пита.

— А до этого знаете, чем он занимался? Может, слышали что-то?

Томас и Пита переглянулись. Быстро, почти незаметно, но я эти взгляды читала хорошо.

— До этого было по-другому, — сказал Томас чуть осторожнее.

— Как — по-другому?

— Ну. — Он покрутил кружку в руках. — Не наше это дело, в общем-то.

— Томас, — сказала я.

— Чего — Томас?

— Ты уже выпил достаточно, чтобы рассказать, и еще недостаточно, чтобы потом сделать вид, что ничего не помнишь. Так что давай.

Пита посмотрел на меня с уважением.

Томас подумал секунду, оглянулся по сторонам — рефлекторно, хотя в этом гуле все равно никто бы ничего не расслышал, — и наклонился чуть ближе.

— Он служил, — сказал Томас. — Королевский флот.

Я не подавала вида, что это мне уже было известно.

— Офицер?

— Офицер, да. И говорят, неплохой. — Томас отпил. — Только нрав у него — сама знаешь какой. Он там с кем-то

из больших людей поцапался. Крепко поцапался, не по-мелкому.

— С кем?

— Вот этого мы не знаем, — сказал Томас и посмотрел на Питу.

Пита молча покачал головой — тоже не в курсе.

— И что случилось?

— Выгнали его. Или сам ушел — тут версии расходятся. — Томас пожал плечами. — Только вышел он оттуда злой, как дьявол, и без ничего, почитай. А потом взял командование на «Вдове». И стал капитаном. Как именно — это уже другая история, и мне ее рассказывали по пьяни, так что ругаться не стану.

— Понятно, — сказала я.

— Ты его не спрашивай только, — добавил Томас, — про службу. Он не любит.

— Догадываюсь.

— Нет, ты не догадываешься, — сказал Томас серьезнее, чем обычно. — Он один раз человеку зубы выбил только за то, что тот заикнулся об этом. Хороший был человек, кстати. Просто любопытный.

Я подумала об этом. Зубы — за один вопрос. Не за дерзость, не за угрозу, просто за слово в неподходящий момент. Кажется, для него это как незакрытый гештальт, тема, к которой не подходят вообще, ни с какой стороны, ни при каких обстоятельствах.

— А карта? — спросила я, кивая в сторону Брандта. — Он всегда с одной и той же ходит?

Томас снова переглянулся с Питой.

— Он что-то ищет, — сказал Томас после паузы. — Уже давно. Куда мы идем — это не просто так, не только за добычей обычной. Там что-то есть. Что-то для него важное.

— Что именно?

— Вот этого он нам не говорит. — Томас развел руками. — Я спрашивал один раз. Он посмотрел на меня вот так. — Томас изобразил взгляд, который я прекрасно знала по собственному опыту. — И я решил, что мне оно знать необязательно.

— Но ты же любопытный.

— Я любопытный, но не дурак, — уточнил Томас с достоинством. — Это разные вещи.

Пита поднялся.

— Я скоро, — сказал он Томасу и кивнул мне.

— Иди, иди, — махнул Томас.

Мы остались вдвоем. Томас разлил еще.

— Слушай, — сказал он, глядя в кружку, — ты как вообще?

— В каком смысле?

— Ну, в смысле — как ты вообще? Корабль, команда, шторм, суд этот дурацкий вчера... — Он помолчал. — Ты держишься, я вижу. Но это же тяжело, нет?

Я смотрела на него.

Скрывать мне в общем-то было нечего.

— Держусь, — сказала я.

— Ну и ладно, — кивнул он. — Я просто, чтоб ты знала.

Тут есть люди, которые... — немного замялся он, — которые не против, чтоб ты была на борту. Это я к слову.

— Спасибо, Томас.

— Не благодари. Пита тоже, кстати. Он просто не говорит об этом, потому что Пита вообще мало что говорит.

Я усмехнулась.

В этот момент я подняла взгляд в сторону стола у стены.

Брандт убирал карту.

Рядом с ним стояла женщина — темноволосая, с огромными серьгами, и смотрела на него. Брандт что-то ей ответил. Она засмеялась, взяла его за руку и потянула к лестнице в глубине таверны.

Брандт встал и пошел следом.

Я посмотрела в свою кружку.

Это совершенно не мое дело. Вообще никаким образом. Он пират восемнадцатого века, я юрист из две тысячи двадцать шестого, и то, что происходит в таверне Пуэрто-Реаль в этот конкретный вечер, не имеет к тебе никакого отношения.

— Налей еще, — сказала я Томасу.

Он посмотрел на меня с легким удивлением.

— Ты ж только что...

— Томас.

— Наливаю, наливаю.

Ром пошел легче, чем в первый раз. И в третий — тоже. Плохой признак, но беспокоиться об этом буду, видимо, уже завтра.

Где-то в середине четвертой кружки вернулся Пита — довольный, с видом человека, который решил важную задачу. Сел, увидел, что я пью уже весьма целенаправленно, и поднял бровь.

— Все хорошо, — сказала я прежде, чем он успел что-то сказать.

Пита кивнул, но спорить не стал.

— Пита, — сказал Томас, — ты слышал когда-нибудь от капитана, что именно он ищет? Ну вот куда мы идем — что там на самом деле?

Прежде чем ответить, Пита обвел нас глазами.

— Нет, — отрезал он.

— Точно нет?

— Точно, — повторил Пита. И добавил после паузы: — Только однажды он сказал, что это вопрос жизни и смерти. Дословно. Больше ничего.

В таверне играла музыка, кто-то хохотал, кто-то ругался, и на фоне всего этого слова Питы прозвучали неожиданно отчетливо.

Вопрос жизни и смерти.

Я посмотрела на лестницу, куда ушел Брандт. Потом на свою кружку. Налила еще.

ГЛАВА 16. ФЛАГ «ВДОВЫ»

Томас развлекал меня историями — про то, как однажды они грузили бочки с ромом, но пока грузили, от рома ничего не осталось.

— Пойду отолю, — сказал он в какой-то момент, вставая, — сейчас вернусь.

И ушел... буквально за секунду до того, как кое-что произошло. Я все еще смеялась, вспоминая подробности услышанной истории, тряхнула головой, и шапка на моей голове съехала набок, а потом просто упала на лавку. Волосы рассыпались — мои светлые, длинные волосы.

Вокруг воцарилась относительная тишина, и как-то сразу стало так тревожно.

— Гляди-ка, — сказал кто-то за соседним столом.

— Баба, — сообщил кто-то другой с таким выражением, словно это было важное научное открытие.

Пита потянулся за моей шапкой, но не успел.

Мужчина с соседнего стола появился раньше. Широкий, небритый, с улыбкой, которая мне сразу не понравилась. Опустился на лавку рядом, взял мою шапку, повертел в руках и произнес томно:

— Такой красотке незачем прятать волосы. У меня есть комната наверху.

Я молча забрала шапку.

— Нет, воздержусь, — ответила я.

Он не ушел.

— Нет, — повторила я четче.

Он удивленно вскинул брови и обернулся.

— Слыхали? — крикнул он.

Дружки за его столом засмеялись.

Пита встал — резко, решительно. Шагнул вперед и сказал что-то короткое и явно недружелюбное. Приятель небритого, не дожидаясь продолжения, двинул его кулаком в челюсть — коротко, без замаха. Пита покачнулся и осел на лавку. Ром к этому моменту сделал свое дело — удержаться не получилось.

— Пита! — вырвалось у меня.

— Я сейчас, — пробормотал он, хватаясь за стол. — Минуту.

Но минуты явно не хватило.

Несколько человек с «Вдовы», сидевших за соседними столами, наблюдали за происходящим с нескрываемым интересом — и ни один не двигался с места. Кто-то ухмылялся. Кто-то наклонился к соседу и что-то шепнул.

— Ведьме так и надо, — донеслось вполне отчетливо.

Вот тут во мне что-то вскипело — не страх, а злость, чистая и конкретная.

Небритый придвинулся вплотную. Рядом с ним возник приятель — помоложе, но с тем же набором идей на лице. Я отодвинулась — уперлась спиной в стену. Дальше некуда.

Небритый потянулся к моему плечу.

Я уже прикидывала — кружкой по голове было бы эффективно, но посуда тяжелая, и при моем нынешнем состоянии шанс промахнуться был вполне реальным, — когда со стороны лестницы послышался звук. Несколько стульев скрипнули разом и так громко, что разговоры за ближними столами стихли.

Небритый обернулся.

Брандт шел через таверну. Без спешки — ровным, тяжелым шагом, с таким лицом, что люди сами убирались с дороги, не дожидаясь, пока их попросят. Он подошел к нашему столу, остановился и посмотрел на небритого сверху вниз совершенно молча.

Небритый что-то пробормотал — совсем другим тоном, чем раньше.

— Уйди, — приказал Брандт. — Уйди или пристрелю прямо на месте.

Тот встал и ушел. Его приятель — следом, причем заметно быстрее.

Брандт повернулся ко мне. Посмотрел коротко, будто проверяя, что со мной все в порядке. Потом медленно обвел взглядом таверну — наших, тех, кто сидел, смотрел и не шелохнулся.

— Значит так, — сказал он, и голос был ровным, что само по себе было страшнее крика. — Она ходит под флагом «Вдовы». Стало быть, под ее защитой — на воде, на берегу,

езде. Все уяснили?

Молчание.

— Не ясно? — повторил он.

— Ясно, капитан, — пробормотали нестройно.

— Стало быть, в следующий раз, когда кто-то с моего корабля будет сидеть и смотреть, пока человека с «Вдовы» трогают у него под носом, — лучше сразу прыгать за борт. Своими ногами. Потому что иначе помогу я. — Он помолчал секунду. — Понятно говорю?

— Понятно, капитан.

Кто-то из «наших» открыл было рот — недовольно, собираясь возразить. Но одного взгляда Брандта хватило, чтобы тот закрыл свой рот.

Эрик кивнул. Потом взял со стола мою шапку и протянул ее мне.

— Надень.

Я молча выполнила указания, не пытаясь ничего говорить. Я не думала, что он заступится за меня.

— Цела? — спросил он.

— Да.

Он смотрел на меня еще секунду: «разговор не закончен, но сейчас не время». Потом добавил тише, только для меня:

— В следующий раз не снимай шапку.

— Она сама слетела.

— Придерживай, значит.

Он развернулся и ушел — к своему столу у стены. Снова

уткнулся в карту. Как ни в чем не бывало.

Я смотрела ему вслед.

В таверне постепенно вернулся прежний шум — разговоры, смех, музыка. Наши за соседними столами старательно делали вид, что очень заняты своими кружками.

Пита выпрямился на лавке, потрогал челюсть и поморщился.

— Пита, ты как? — спросила я.

— Бывало хуже, — сказал он коротко.

— Извини. Ты пытался.

— Не очень удачно.

— Все равно.

Он кивнул — коротко, по-своему, — и потянулся за кружкой.

Тут вернулся Томас. Огляделся, будто почувствовал, что что-то произошло, посмотрел на Питу, потирающего челюсть, обвел взглядом меня и наших, которые все еще изучали содержимое своих кружек с преувеличенным вниманием.

— Я что-то пропустил? — спросил он.

— Ничего особенного, — сказала я.

— Пита, что с челюстью? От рома уже отваливается?

— Замолкни, — буркнул Пита.

Томас посмотрел на меня, на Брандта у стены с картой, потом снова на меня, но так ничего и не спросил.

С меня было достаточно. Хотелось поскорее уйти отсюда.

Ночлежка находилась в двух кварталах от таверны —

низкий потолок, узкие койки, деревянные стены с щелями, сквозь которые тянуло ночным воздухом.

Нас набилось человек восемь в одну комнату.

Я выбрала место у стены, подальше от двери. Легла прямо в одежде. Куртку не сняла. Сапоги — тоже.

Рядом захрапели быстро — пираты засыпали так же легко, как и пили ром.

Я лежала и смотрела в потолок.

За стеной плескалась вода, скрипела чья-то лодка у причала, кто-то смеялся где-то вдали. Или мне только казалось.

Я закрыла глаза.

Но сон не шел еще долго. Я никак не могла выбросить из головы Эрика, а стоило.

ГЛАВА 17. БЕРЕГ

Я проснулась от света. Он лез сквозь щели в стенах узкими полосами и падал прямо на лицо. За стеной было тихо — непривычно тихо после корабля, где всегда что-то скрипит, качается и плещет.

Я открыла глаза и несколько секунд просто лежала, глядя в потолок.

Комната была почти пустой. Кто-то уже ушел, кто-то еще спал — на соседней койке храпел один из матросов, имени которого я так и не запомнила. Пит сидел у стены, привалившись к ней спиной. Он явно никуда не спешил.

Томас отсутствовал.

Я села. Голова была тяжелой, во рту стоял привкус вчерашнего рома. Я провела ладонью по лицу, потянулась и поняла, что за все время на «Вдове» ни разу нормально не умылась.

Это была неприятная мысль.

Я встала, подобрала шапку с пола и вышла.

Пуэрто-Реаль утром выглядел иначе, чем вечером.

Тише, проще, без вчерашней суеты. Улица была почти пустой — только пара местных тащила что-то тяжелое в сторону рынка, да у причала возился старик с сетью, не обращая внимания ни на что вокруг. Воздух был свежим, влажным, с запахом моря и водорослей — после спертого воздуха ноч-

лежки это было почти хорошо.

Кроме Питы и парочки матросов — наших нигде не было видно. Вероятно, еще спали, или снова разбрелись по тавернам, или занялись чем-то еще, о чем мне знать было необязательно.

Я же пошла в сторону воды.

Подальше от причала — там стояла «Вдова» и крутился плотник с помощниками, — вдоль берега, туда, где между скалами и зарослями кустарника берег изгибался небольшой бухтой. Я увидела ее еще вчера, когда мы спускались с корабля. Сейчас могла заметить, что от причала она не просматривалась.

Добралась быстро.

Бухта оказалась именно такой, как я рассчитывала — маленькой, спокойной, отгороженной с одной стороны скалой, с другой — кустами, которые росли почти до самой воды. Никого. Только волны накатывали на песок тихо и размеренно, и чайка сидела на камне в отдалении, ей совершенно не было до меня дела.

Я огляделась еще раз. Тихо. Никаких голосов, никаких шагов. Я начала быстро снимать одежду.

Вода оказалась теплой. Я зашла по колено, потом по пояс, и остановилась на секунду, закрыв глаза.

Боже.

Нормально помыться после недели на корабле, где ни о каком мытье речи особо не шло — пресную воду берегли для

питья, а до остального никому не было дела, — это было что-то настолько простое и такое приятное, что я позволила себе просто постоять так минуту. Только я, теплая вода и тишина. Никаких мыслей, ничего важного.

Потом занялась делом.

Я мылась быстро, озираясь: привычка смотреть по сторонам за проведенное на корабле время выработалась сама собой. Волосы я распустила и прополоскала как следует — морская вода, конечно, не лучшее средство для ухода, но все равно лучше, чем ничего.

ГЛАВА 18. ГРЯЗНЫЙ ПИРАТ

Солнце уже поднялось достаточно высоко, и на воде играли блики. Чайка с камня улетела куда-то. Стало совсем тихо — только море и ветер, и где-то далеко за скалой — глухой стук, плотник работал.

Я откинула волосы назад и посмотрела на горизонт.
— Интересное место для купания.

Я вскрикнула.

Ушла под воду с головой. Вынырнула, развернулась, отплевалась и уставилась на берег.

Брандт стоял у кромки воды.

Он пришел, судя по всему, со стороны скалы. И нет бы как-то сообщить о своем присутствии, стоял и следил за мной! В руках он держал что-то, но чтобы разобрать, мне бы пришлось бы приблизиться к нему.

На лице у него была ухмылка.

Я выпрямилась так, чтобы вода оставалась по плечи, и почувствовала, как внутри поднялась волна возмущения — горячая, сдержать ее было невозможно.

— Ты! — крикнула я.

— Я, — согласился он.

— Отвернись.

— Доброе утро.

Надо же, какими вежливыми мы бываем!

— Отвернись, я сказала!

Он не отвернулся. Вместо этого вальяжно опустился на песок — прямо там, где стоял, скрестил ноги, положил то, что держал в руках, рядом с собой и посмотрел на меня с видом человека, у которого нет никаких срочных дел и который вполне доволен текущим положением вещей.

— Ты грязный пират, — сказала я.

— Это да, — согласился он как будто даже не без удовольствия.

— Так не делают!

— Как не делают?

— Вот так! — Я сделала неопределенный жест в сторону берега. — Нормальные люди не подкрадываются вот так! Это отвратительно!

— Понятно, — сказал он без всякого раскаяния.

— Отвернись!

— Ася.

— Что?

— Я принес тебе одежду.

Я замолчала.

Брандт кивнул на то, что лежало рядом с ним на песке, — свернутую ткань.

— Видел, что ты пошла к воде. — Он пожал плечом — небрежно, как будто речь шла о чем-то совершенно незначительном. — Ты б вышла и снова натянула на себя то, в чем ходила какое-то время. А ты все-таки дама.

Я смотрела на него, пытаюсь угадать, к чему он все это ведет.

— Это... платье?

— Платье, — подтвердил он.

— Откуда?

— Купил у местных. На рынке. — Он снова пожал плечом. — За копейки взял.

Конечно, к чему ему тратиться на меня? Но жест... все равно приятный. Надевать грязные тряпки мне не хотелось.

— И что ты хочешь за это платье? Чтобы я голой из воды вышла? Мог бы просто оставить его на песке!

— Ну. — Он чуть склонил голову. — Надо ж было убедиться, что ты точно его найдешь.

— Очень смешно! А нельзя было предупредить о своем приходе?

Уголок его рта дернулся вверх.

— Не так интересно.

— Ты невозможный, — сказала я.

— Это я уже слышал, — согласился он.

— Отвернись.

— Ты уже третий раз просишь.

— Буду просить, пока не отвернешься.

Он смотрел на меня еще секунду — с той же наглой ухмылкой, которая меня бесила именно потому, что в ней не было ничего злого, только это спокойное, невозмутимое веселье. Потом, не торопясь, повернулся ко мне спиной.

— Довольна? — спросил он.

— Вполне.

Я вышла быстро — чувствовала себя при этом крайне нелепо, но выбора не было. Схватила ткань с песка, развернула.

Платье оказалось простым — темно-синее, льняное, длинное, с завязками на спине. Никаких украшений, никаких лишних деталей. Именно то, что носили здесь местные женщины — я видела такие наряды в деревне, когда мы только сошли на берег.

Я натянула его через голову, кое-как справилась с завязками и провела руками по ткани.

Сухая. Чистая. Нормальная одежда.

Я закрыла глаза на секунду от облегчения.

— Можешь оборачиваться, — сказала я, выжимая волосы.

ГЛАВА 19. ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Брандт обернулся и окинул меня взглядом снизу вверх, с тем же спокойным выражением.

— Тебе идет.

— Спасибо, — сказала я.

Получилось суховато. Он это услышал и снова чуть улыбнулся — одним уголком рта.

— Не обольщайся, — сказала я. — Это все еще не значит, что ты хорошо поступил.

— Принес женщине платье — и нехорошо поступил? — повторил он задумчиво, как будто примеряя эту логику. — Стало быть, что надо было сделать?

— Оставить на берегу и уйти.

— Скучно.

— Зато прилично.

Он усмехнулся и ничего не ответил.

— В таверну больше не ходи. Нечего там в платье делать, — будто между делом бросил он.

Хотелось, конечно, поспорить, вот только я охотно верила его словам после вчерашнего инцидента. Я опустилась на песок рядом с ним. Уходить не хотелось — вода еще блестела на коже, волосы были мокрыми, и здесь, в этой тихой бухте, было слишком хорошо, чтобы сразу вставать и идти обратно в пыль и шум Пуэрто-Реаль.

Никто из нас не пытался завести разговор, и мы просто молчали.

Море накатывало на берег размеренно, чайки кричали где-то далеко, и солнце уже припекало по-настоящему.

— Ты давно на Карибах? — спросила я наконец. Эрик молчал так долго, что я уже собиралась повторить вопрос.

— Достаточно.

— А до этого?

— До этого был в другом месте, — сказал он.

— Служба?

Он посмотрел на меня — быстро, острее, чем обычно.

— Томас сказал?

— Томас намекнул. Подробности не знает.

Брандт нахмурился. Может, зря я так вдруг решила лезть с расспросами? Но мне было банально интересно. И скучно.

— Было, — сказал он коротко. — Давно. Сейчас это не имеет значения.

— Тогда к чему такая закрытость?

— Не лезь в это.

Сказано было без злобы, но довольно резко, чтобы я прикусила язык. Я не стала настаивать. Это была та черта, за которую сейчас не стоило заходить, и я понимала это достаточно хорошо.

— Ты знала что-то о Карибах? — спросил он вдруг. — До того, как здесь оказалась.

— Конечно знала, — сказала я осторожно.

— Что именно?

Пришлось покопаться в памяти, чтобы не начать обсуждать «Пиратов Карибского моря».

— Историю. Про некоторых людей, которые здесь жили. Торговали. Плавали.

— Про пиратов много слышала?

— И про пиратов тоже.

Он повернул голову и посмотрел на меня с тем выражением, которое я уже умела читать как настоящее любопытство — редкое, без ухмылки.

— И что говорят?

— Разное, — сказала я. — Кто-то называет вас разбойниками и убийцами. Кто-то людьми, у которых просто нет другого выбора.

— А ты как думаешь?

Я посмотрела на воду.

— Я думаю, что правда обычно где-то посередине.

Он хмыкнул — не насмешливо, скорее задумчиво.

— Мудро.

Он снова помолчал. Провел пальцем по песку — машинально, не глядя.

— Откуда ты знаешь Холфордова? — спросил он вдруг.

По спине от страха пробежал холодок.

— Что?

Он повернулся ко мне. Смотрел несколько секунд — внимательно, без ухмылки.

— Ты говорила во сне, — сказал он. — Холфордов. Предательство. Держись подальше. Что-то еще — я не разобрал.

Я уставилась на него.

— Ты был в ночлежке?

— Заходил. Проверял людей.

Я почувствовала, как внутри что-то сжалось. Говорила во сне. Отлично. Просто отлично.

— Это ничего не значит, — сказала я. — Сны — они такие.

— Я бы мог списать это на сон, но имя услышал слишком четко. Так знаешь ты Холфордова или нет?

— Я уже сказала тебе.

— Ася, откуда ты знаешь его? Вы знакомы?

Я помолчала. Море накатывало на берег — тихо, размеренно. Чайка — та же или уже другая — снова сидела на камне и безучастно смотрела на нас.

Я собралась с силами.

— Хорошо, — сказала я наконец. — Вот что я тебе скажу. Этот человек опасен для тебя. Конкретно для тебя, не для кого-то другого. Я не знаю когда и не знаю как именно, но он представляет угрозу. Это все, что я могу сказать.

Брандт смотрел на меня.

— Откуда ты это знаешь? Потому что ведьма?

— Ведьма, ведьма, — кажется, я отчаялась доказать обратное.

— Ты говоришь правду?

Я посмотрела на него прямо.

— Да.

Он долго думал, а потом усмехнулся.

— Ну что ж, — сказал он, — пускай опасен. — Он про-
изнес это легко, будто не считал настоящей проблемой. — Я
за свою жизнь повидал людей опасных. Пережил всех.

— Это не тот случай, — сказала я.

— Отчего же?

— Потому что не всегда умение воевать спасает от пре-
дательства.

Что-то в его лице чуть изменилось — едва заметно, на
долю секунды. Потом снова стало ровным.

Я решила воспользоваться моментом.

— Можно я спрошу кое-что?

Он чуть повел бровью — жест, который у него означал
примерно «смотря что».

— Зачем мы идем на север? — спросила я. — Я понимаю,
что там что-то есть. Что-то важное для тебя лично. Что там?

Брандт вцепился в меня взглядом.

— Ты задаешь слишком много вопросов, — сказал он на-
конец.

— Я хочу помочь.

Он помолчал еще секунду, и я увидела, что он принял ре-
шение не отвечать.

Эрик встал и отряхнул песок с одежды.

— Завтра к полудню команда собирается, — сказал он. —

Корабль к тому времени починят. Дальше пойдем. Не опаздывай.

Он посмотрел на меня последний раз и ушел. Я слушала, как его шаги стихают за скалой.

Я осталась сидеть на берегу.

Горизонт был пустым и чистым, вода в бухте — бирюзово-прозрачной, проглядывалась до самого дна. Солнце жарило в плечи.

Предательство. Это слово произнесла я сама, и он его явно услышал.

Я знала про Холфордова немного: только то, что успела выхватить из старых записей и архивных документов, которые изучала еще дома. Что он существовал. Что был связан с Брандтом. Что история между ними кончилась плохо. Без деталей. Но и этого было достаточно, чтобы понимать: если ничего не изменится, все пойдет в определенную сторону.

Говорить больше — значит объяснять, откуда я это знаю. Молчать — значит позволить случиться тому, что должно случиться.

Я провела ладонью по ткани платья.

«Какого черта я вообще думаю про какого-то едва знакомого мне пирата, если надо решать скорее, как попасть обратно домой?» — на этот вопрос у меня не было ответа. Мысли снова возвращались к капитану.

Он купил мне платье. Принес сам, пусть и сидел потом на берегу с ухмылкой и ждал, пока я выйду из воды. Это было

бесцеремонно и невозможно, но вызвало во мне неожиданно приятные ощущения. Я сидела и улыбалась во всю, вспоминая эту дурацкую ситуацию и думая о том, как это выглядело со стороны. Пришлось одернуть себя, вернув лицу строгий вид, а затем я встала, отряхнула песок с подола и пошла обратно.

Вопросов было больше, чем ответов. Это меня раздражало. Я привыкла работать с тем, что знаю, — и сейчас того, что я знала, было слишком мало, чтобы действовать, и слишком много, чтобы жить спокойно.

ГЛАВА 20. ПРЕДЧУВСТВИЕ

Солнце клонилось к горизонту медленно и как будто нехотя — точно раздумывало, стоит ли вообще уходить за край моря или лучше задержаться еще немного. В бухте царила тишина, почти умиротворение, если не считать обычного портового гомона: скрипа снастей, ругани грузчиков, отдаленного смеха из таверны на углу и мерного плеска воды о просмоленные борта стоявших на якоре судов.

«Вдова» покачивалась у пирса — черная, молчаливая, с убранными парусами. С берега она выглядела даже безобидно. Я смотрела на нее и думала, что корабль похож на человека, который улыбается губами, но глаза при этом не улыбаются вовсе.

— Ну что, красавица? — окликнул меня Пита, перекидывая через плечо сверток с провизией. — Долго будешь пялиться? Там уже, поди, все наши на борту.

— Сейчас, — отозвалась я.

Но не сдвинулась с места.

Я и сама не могла объяснить, что именно держало меня на этом пирсе. Ноги как будто прикипели к разошедшимся доскам. В голове было пусто и одновременно шумно — странное сочетание, которое не получалось описать словами. Примерно так бывает за секунду до того, как ударяет гром.

— Ася. — Томас появился сзади так тихо, что я едва не

подпрыгнула. Он почти никогда не называл меня по имени — только «ведьма» или «девчонка». — Давай уже. Капитан велел всем собраться.

Я сделала шаг.

И остановилась.

Потому что *она* накатило снова.

Не страх — нет. Это было совершенно другое: горячая волна, поднявшаяся откуда-то из середины груди и расходящаяся по телу, как расходятся круги по воде. Никаких образов, никаких голосов. Только абсолютная, не требующая доказательств уверенность...

Нельзя.

— Нет, — сказала я.

Тихо. Почти шепотом.

Томас услышал и нахмурился.

— Что — нет?

— Не надо нам сегодня на борт.

Повисла пауза. Томас и Пита переглянулись.

— Слушай, — начал Пита, — я понимаю, что тебе сейчас не до разговоров, но...

— Не сегодня. — Голос у меня неожиданно стал твердым.

— Не сегодня и не завтра. Дайте хотя бы пару дней. Пожалуйста.

— Да что за дьявол?.. — Томас не договорил.

Со стороны пирса слышались голоса и топот — оставшаяся часть команды возвращалась с берега, с мешками, по

сходням поднимались на борт. Впереди шел Эрик.

Высокий — почти на голову выше любого из своих людей. Он шел медленно, но в каждом его шаге ощущалась безусловная уверенность. Потертый камзол, сабля у бедра, длинные волосы перехвачены кожаным шнурком. Лицо его казалось непроницаемым, как всегда. Совсем другой, нежели я видела его утром.

Он скользнул по мне взглядом — мельком, почти незаинтересованно — и кивнул на корабль.

— Поднимаемся.

— Нет, — сказала я.

Это слово повисло над пирсом.

Брандт остановился. Медленно повернулся.

— Что ты сказала?

— Я сказала — нет. — Я сглотнула, но взгляда не отвела, хотя очень хотелось. — Не надо нам сейчас на борт. Я снова чувствую что-то. То же самое, что тогда, перед штормом. Я не могу объяснить, но если вы сейчас зайдете на этот корабль...

Я на секунду запнулась — следующие слова звучали безумно даже у меня в голове.

— Вы встретите смерть.

Тишина.

Один из пиратов — приземистый, с рыжими бакенбардами и физиономией пьяницы — захохотал. Громко, без стеснения, запрокинув голову.

— Ну и ну! Слышали? Смерть нас встретит! — Он оглянулся на остальных. — Что, мужики, испугались? Не надо было так много позволять девке. Подумаешь, ведьмой назвалась! Глядишь, и плавали бы спокойно!

Несколько человек заухмылялись. Другие смотрели на капитана: ждали.

Брандт смотрел на меня.

Довольно продолжительно. В глазах его мелькнуло нечто нехорошее. Так, что у меня по спине прошел холодок, совершенно не вязавшийся с теплым вечерним воздухом.

Томас схватил меня за запястье крепко, больно стиснул, наклонился близко к уху.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.